

УДК 008

Гузенина Светлана

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА: К СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Статья посвящена осмыслению необходимости введения института государственной идеологии в России. По мысли автора, такая практика была отброшена и отвергнута в конце XX века не случайно, поскольку чревата многочисленными перегибами, включая внедрение в общественное сознание идеологием относительно этнического самосознания.

Ключевые слова: идеология, внушение, Родина, СМИ, Конституция.

Гузеніна С.

З ЧОГО ПОЧИНАЄТЬСЯ БАТЬКІВЩИНА: ДО СУТНОСТІ ДЕРЖАВНОЇ ІДЕОЛОГІЇ

Стаття присвячена осмисленню необхідності запровадження інституту державної ідеології в Росії. На думку автора, така практика була відкинута наприкінці XX століття не випадково, оскільки загрожує численними перегибами, включаючи впровадження в суспільну свідомість ідеологією щодо етнічної самосвідомості.

Ключові слова: ідеологія, нав'ювання, Батьківщина, ЗМІ, Конституція.

Guzenina S.

WHAT BEGINS THE MOTHERLAND: TO THE ESSENCE OF STATE IDEOLOGY

The Article is devoted to understanding the necessity of introduction of Institute of the state ideology in Russia. According to the author, this practice was abandoned and rejected in the end of the twentieth century is not a coincidence, because fraught with many inflections, including the introduction into the public consciousness ideologies relating to the ethnic self-consciousness.

Key words: ideology, suggestion, the Motherland, the media, the Constitution.

Тема необходимости государственной идеологии в России становится в последнее время достаточно популярной, при этом, дебаты по проблеме порой переходят от научных к псевдонаучным, околонуучным, популистским, религиозно-мистическим и даже откровенно провокационно-невежественным.

Сложность однозначного «отрицательного» или «положительного» отношения к государственной идеологии определяется тем, что при ее полном отсутствии, так или иначе, происходит потеря не только общих духовных основ, но и самих духовных ориентиров, что ведет, в конечном итоге, к попыткам копирования чужих идеологических образцов. Так и происходило, к примеру, в России в 90-е годы после объявления деидеологизации, когда российское общество, отказавшись от коммунистической идеологии, вынуждено было жить в состоянии аномии и двигаться в фарватере чуждых ментальных конструктов в поиске новых смыслов.

В этой связи развернувшаяся сегодня на страницах СМИ дискуссия подчас обнажает совершенно диаметрально противоположные мнения, позиции и пути решения проблемы. Более того, отечественными обществоведами подчеркивается даже нетождественность западной идеологии и российской, поскольку западная идеология чаще носит прагматический характер и призвана оправдать и обосновать определенную общественную практику, а «у идеологии в России – символический характер. Её действительные функции опосредованы, латентны» [1, с. 54]. Довольно сложно согласиться данным утверждением, поскольку исторические примеры, в частности, опыт политических репрессий в нашей стране, говорит как раз об обратном: четко объявленная идеологическая программа в 30-е годы XX века по борьбе с врагами Родины была более чем реализована на практике.

Существуют, с другой стороны, и абсолютно очевидные созидательные исторические примеры идеологического воздействия: общий энтузиазм в период строительства и становления молодого советского государства, борьба с безграмотностью, помощь голодающим Поволжья, строительство БАМа, освоение целины, достижения в советской науке и спортивной жизни, творческие взлеты в культуре и т.д. Такой же перечень положительных примеров действия и созидания может быть составлен и для иных исторических эпох (победа на Куликовом поле, Бородинское сражение, ополчение Минина и Пожарского и др.).

Президент благотворительного фонда «Предание» В. Берхин полагает, что в России на текущий момент «для новой идеологии нет: серьёзного интеллектуального фундамента; серьёзного кадрового ресурса; убедительных идей, которые прошли бы проверку на прочность временем и обстоятельствами» [2]. Однако на страницах СМИ сегодня раздаются и отчетливые призывы к изменению существующего положения, поскольку «с идеологией в стране очень тревожно и опасно, мина заложена в основах успеха нашей государственности, в самой конституции, это не случайно и не произвольно, это не само собой» [3]. Разумеется, тут же сторонники изменения действующего законодательства приводят и аргументы своей позиции, полагая, что отсутствие государственной идеологии, закреплённой в Конституции, во-первых, чревато последствиями, а во-вторых, отражает чьи-то происки и планы, которые способствуют тому, «чтобы наш народ стал менее культурным, менее квалифицированным, менее образованным, менее любящим, *вообще не понимающим, что такое родина* (прим. курсив автора настоящей статьи), и бегущим из нее обслуживать там бары и разные посудомоечные машины на Западе» [3].

Итак, по мысли авторов концепции возврата к идеологической практике, выходит, что народу необходима государственная идеология хотя бы для того, чтобы, обретая в её контексте свою политическую идентичность, каждый индивид мог понять – что же такое Родина. Определяя идеологию в качестве «важнейшего института жизни страны» [3], авторы обозначенной концепции, к сожалению, не вспомнили о наследии классиков марксизма (которых в России сначала очень сильно любили и повсеместно издавали, а с недавнего времени – благополучно забыли), предпринявшим анализ феномена идеологии задолго до обсуждающихся сегодня в России проблем.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса дан масштабный анализ истории производственных отношений, на основе которого теоретики марксизма определяют идеологию через понятие «перевернутого сознания», поясняя, что оно ложно, поскольку «во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову» [4, с. 25].

Как утверждает К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе», «общественная жизнь является по существу *практической*» [4, с. 3], а,

идеология ничего общего с практикой не имеет. По этой причине немецкие мыслители отказывают ей в самостоятельности, ибо первичной основой жизни людей, с их точки зрения, выступает сфера производства материальных благ: «...мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие своё материальное производство и своё материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также своё мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [4, с. 25].

Идеология очевидно связана в общественной практике с особым видом внушением. Классическая работа В. Бехтерева так дает его характеристику: «...внушение входит часто в психическую сферу незаметно, без всякого насилия, иногда вызывает борьбу со стороны личности внушаемого субъекта, подвергается с его стороны даже критике и выполняется, *хотя и насильственно*, но далеко не всегда автоматически» [5, с. 2].

Поскольку данное определение уже содержит в себе противоречие – одновременно постулирует насильственность и ненасильственность, обратимся к другому определению внушения, данном в концепции американского психолога У. Сидиса. Под внушением подразумевается внедрение в общественное сознание какой-либо идеи, которая «встреченная большим или меньшим сопротивлением личности ... наконец принимается без критики и выполняется без осуждения, почти автоматически» [6, с. 19].

Такое определение логично приводит нас к социологической концепции власти М.Вебера. Формула классика социологии гласит, что под властью подразумевается высокая «вероятность того, что один актер в рамках социальных отношений окажется в состоянии реализовать собственную волю вопреки сопротивлению других участников» [7].

Аналогичную интерпретацию власти давал Т. Гоббс, который полагал, что власть есть «диспозиционное понятие, оно выражает потенциал субъекта власти достигнуть гарантированного подчинения объекта и контролировать объект. Власть существует даже в случае если субъект не реализует имеющуюся у него способность подчинить объект» [цит. по: 8].

Таким образом, сущность феномена общественной идеологии состоит в организации целенаправленной системы внушения определенным образом сгенерированных правящей элитой идей посредством всех общественных институтов духовной жизни, включая институты СМИ и пропаганды.

Понятно, что особые характеристики и отличительные особенности идеологического образа Родины того или иного государства выводятся из национальной и этнической специфики функций действующей власти, исторического контекста, ментальных характеристик общественной психологии. Главным, тем не менее, остается следующее положение: идеологический образ Родины существует как доказательство необходимости сакрализации государственной власти, замыкающей такой образ на себя, опредмечивая его на себе, выводя его через себя [9].

Апеллируя к моральным основам социальной жизни, гуманизму, духовным ценностям и общечеловеческим идеалам любви к родной земле, стране, краю, необходимости их защиты, понимания значимости и сохранения истории, традиций, языка как культурного достояния, в периоды политической борьбы за власть, образ Родины становится не более чем атрибутом манипуляции общественным сознанием, своеобразной «иконой», которую при опасности для жизнеспособности власти достают и «чистят до блеска», а при отсутствии опасности – «убирают подальше, в сундук».

Для внедрения в массовое сознание неразрывной связи образа Родины и власти как олицетворения такого образа, политики прибегают, зачастую, к приемам мифотворчества, искажая исторические события в выгодном ракурсе, поясняя правильность принятых политических решений, иногда фальсифицируя свои достижения и нивелируя чужие. Такой образ Родины, к примеру, очевиден в Послании «О положении страны» Президента США Дж. Буша (02.02.2005 года): «...А мы живем в стране, где рождаются величайшие мечты. Отмена рабства была всего лишь мечтой – до тех пор, пока она не осуществилась. Освобождение Европы от фашизма было всего лишь мечтой – до тех пор, пока оно не свершилось. Падение имперского коммунизма было всего лишь мечтой – до тех пор, пока однажды оно не произошло. У нашего поколения есть свои мечты, и мы тоже уверенно идем вперед» [цит. по:10].

Идеология есть непрременный атрибут социальной власти; при этом отметим, что такая власть и присущая ей идеология могут быть представлены в любой сфере социальной жизни и соответствовать любому уровню общественного развития и форме общественного сознания. Примерами здесь могут служить сталинизм как политическая и отчасти религиозная идеология, современный американизм как разновидность экономической и политической идеологии, религиозная и политическая идеология средневекового папозезаризма, мифологическая идеология архаичного вождизма.

Однако отметим, что в социально-гуманитарном знании существует и достаточно много концепций критики власти как аппарата насилия. По меньшей мере, два крупных теоретика XX века – А. Грамши и М. Фуко полагают, что такая позиция изначально неверна. Их диагностика природы власти дана в позитивном для социальной системы ракурсе, ибо с точки зрения мыслителей, основная задача власти – обеспечить стабильность и согласие, и в этом смысле идеология как раз и является гарантом такого согласия, поскольку выступает легитимным положением о сотрудничестве и взаимном доверии общества и власти. Кроме того, идеология (по мысли М. Фуко) – это всегда проект власти о будущем социума, что само по себе говорит о силе власти, ее значимости; отсутствие же такого проекта – есть свидетельство слабости действующей власти.

Идеология чаще охватывает все сферы общественной жизни, поскольку представлена как программа действующей властвующей элиты, в рамках которой общественные институты так или иначе формируют цели, средства их достижения и наиболее очевидные и актуальные фокусы для реализации основной программы действий (идеология консерватизма, к примеру, особенно четко прослеживается в организации экономической сферы общественной жизни, либеральная идеология – в политической и духовной сферах, царизм – в правовой, духовной и в сфере внешней политики и т.д.).

Таким образом, ожидает ли российское общество новая программа «движения в будущее» и будут ли пояснять народу России, с чего же, собственно, начинается Родина (в контексте внедрения идеологических программ), станет ясно, видимо, в ближайшие пять-десять лет.

Пока же страна живет с прежней Конституцией, в ст. 13, п. 2 которой четко обозначено: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [11].

Литература:

1. Пастухов В. Б. Конец русской идеологии. Новый курс или новый путь? / В. Б. Пастухов // Полис. – 2001. – № 1.
2. Владимир Берхин. Почему я не боюсь новой обязательной идеологии // Православие и мир: Ежедневное интернет-СМИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/pochemu-ya-ne-boyus-novoj-obyazatelnoj-ideologii/>(дата входа 10.12.2013).
3. Зачем нужна идеология? Передача «Идеологические беседы» // Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина) [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/tv/ideology/zachem-nuzhna-ideologija> (дата входа 10.12.2013).
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения / Маркс К., Энгельс Ф. – Том 3. – Издание второе. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955.
5. Бехтерев В. Роль внушения в общественной жизни. – СПб., 1898.
6. Сидис Б. Психология внушения / перевод М. Колоколова. – СПб., 1902.
7. Вебер М. Типы господства // Социс. – 1988. – № 5.
8. Ледаев В. Г. Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледаев. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 26.
9. Гузенина С. В. Образ Родины как атрибут идеологии / С. В. Гузенина // Вопросы. Гипотезы. Ответы: Наука XXI века : монография. Книга 3. – Краснодар : Научно-издательский центр Априори, 2012. – 284 с. – С. 26–42.
10. Кузнецов В. Н. Социология идеологии : учебное пособие / В. Н. Кузнецов. – М. : КДУ, 2009. – С. 145–146.
11. Конституция РФ. – Статья 13.